

лучше — очень многих. На лицах читалось именно это:

— Как-то «извернется» Художественный театр.

Была каменья.

И каменья выдерживать. Не впасть в бастиде, не на дить с плюсом. Но выдерживать очень хорошо, несмотря на всё неблагоприятия сравнения, несмотря на то, что каменному человеку приходится преодолевать предубеждение одних, привычку, которая и в зрительных залах — вторая натура — других.

Художественный театр может смело сказать:

— Островский — по мне. В тех сценических методах, которые я выработал и усовершенствовал за свои двадцать лет, в тех художественных навыках, которые я приобрел, в том остром и тонком внимании к воспроизводимому на сцене, которыми я всегда вооружен, — так много личной силы и так много гибкости, что это оружие побуждало и там, где мне обидно особенно трудно.

Восмите внимание: часть спектакля спрашивали: Чувств он за себя негодный? Вздв, нечту. Конечно, нечту. Он и не собирается «негодить». Но, приученный кетм своим принципам, кетм своим принципам и навыками не игнорировать обстановку, быть к ней очень внимательным, давать и ее живую и характерную, Художественный театр, вовсе не дблая из этого центра спектакля, сумел дать не театральные, а живые комнаты, залитые солнечным светом, и комнаты с оттенком времени. Вздв. Островский — былник, и не только из своих, какт-то сказать «замосковничать» дысать. И потому «жизнеть бытия» должны быть и во всем, и вичем. И знаю, «Мудрен» может обидеть и безд атго. Ему не важны павильоны. Играют: хотв из удивления декораций. Но уже конечно от та-ких постановок, котору дал Художественный театр, Островский не был в выигрыш — только вт. выигрыш.

Островский — дысатель очень выуканный; его фигура всегда сь больным, рифомом; его краски — всегда яркая. Но Островский, кетм не такт, ужт замечательн в своих изображениях, отнош не исключает возможности отбвков. Конечно, эти постыние не играют такой важной роли, какт, скажем, в чеховском театре, где все — вт них. Но зато, кто уловит и игру отбвков в наших героях Островского, ни в каком случае не исключит этих героев, лишь обогатит их содержание. Конечно, если разглядеть вбры, не присоединит от себя. Художественный театр, который не желает принимать человека эдечитарно, не привык устремляться на сторону меньшего социальства, так же познать и сь героями «Мудрена». Обрекло ли это от на нарушение эти Островского? Вряд ли.

Самое совершенное исполнение — г. Станиславский, хотя он, конечно, больше всего пользовался таким методом, интерпретация Островского. И это красноречивее всего говорит, что метод — правильный. Тут была самая полная и богатая характеристика, самое полное представление актера в изображаемое лицо и самая безупречная правда, захватывающая непосредственность. Это была игра кт займтм Щепкина, только сь еще более усовершенствованными средствами. Была жизнь, тихая и выразительная, хотя все было так просто, так бесхитростно; что ни фраза, интонация, минимальное движение — драгоценная жемчужина. На одна фраза не выдвигалась из общей речи. На каждая дала весь возможный эффект. Каждая отражала душу, весь склад этого человека мажорной грустности, — этого «спасателя отечества» сь кружорошеством ребенка. Показуя, по вниманию Крутицкого должен быть барстеньге и чисте, чьт показывается его г. Станиславский. У него — какой-то очень ужт захолустный генерал. И сатирическая значительность образа была бы выше, будь вь сколько знал вгнность. Но это — единственное замечание, которое можно сдвуть по поводу исполнения г. Станиславского. И когда вспоминаешь недавнего Ракинина, — ведь он поднялся и не восклицает гибкости таланта этого актера.

Совсем по волеу, непринично, изображает Голушина г. Москвитин. Это вторая по художественному достоинству фигура спектакля. Обыкновенно Голушина изображают пропойцей, почти хулиганом. Г. Москвитин играет этого глупого шапача «под барана». И великолепно выдерживает такой рисунок роли, подчеркивает замечательными полутонами. Отлично отбвен страх голушинский — а вдругт шапачт

сорвется. И за тьт, что показано, за Голушиным предидит пошлякжарить Глумон. — Исно чувствуется дкая жизнь, и какт катится этот господин, может быть прежде и мирным барыш со ступеньки да ступеньку. Бытт онт замаскирует дорожку ресторана, потомт прижмется при бокалх бутылках, потомт шумит при них, пока не выхлестает до дна, ставт глестной тлч. И вт эти моменты дальной карьеры оставил свои сдвды на его лица и манерах, наложил свои печати. Одна из наиболее опидических фигур получа большую сложность, много и кетко говорит вобразенно.

Третья прекрасная фигура — Манея г-жи Буговой. Отдали ли Манею? Вспомните хотв тахл-нахлывах «воарогот», которая еще такт живо выуктм... Только обозначил нахлывах. Артистка огненно выразила больше всего — вт нрв лица, глаза, самую сущность манеину, это дыкованое сочетание тупости и хитрости, юродствования и практичности, кликушества и расчета. А какт фон — живая любовь и неясная сложность. Такая живая способ, фантазировать

темную толпу, повести на погреб. Все фразы Мамоев были произнесены очень хорошо. Но еще лучше была аккомпанировавшая изм. чиника. Черств не раскрывалась, то, что очень часто оставалось у других. Мамоев не показывался, толпу вл. чисто-вышнее, комич. и карикатурно. Опыт «метод» Художественного театра, верно приложенный, дал отличный результат.

Пожагу, г. Леонидов повзвал социальное положение Городулина. Быть скорее прообразом, напикт. московских «администрация», члнм сапожнич. московский барин. Роль передана отлично—очень ярко, выразительно, характерно, с большой комизмом. Иногда чувствовалось, что актер еще не силится с изображением: вдруг выглядело его собственное лицо, кончая изрядный тон. Но в большей части роли г. Леонидов справился с тем, что задумал, очень хорошо.

О других исполнителях, прежде всего—о Глазков, г. Качалов, —заста.

Но большой вычужденности и интересной деятельности в разработке роли не уступает другим исполнителям спектакля. Луцкий—Мамоев. Много отличных отдельных нотаций и выдержанности дало. Но два крупных недостатка. Один—в обрисовке образа, другой—от самого свойства дарования г. Луцкого.

Островский говорит про Мамоева с совершенной определенностью: «благотворитель», Мамоев г. Луцкого не злит важный барин, скорее чиновник, и не из крутишек, пожелавший в канцелярии, просидевший там много стульев и досидевший до отатского советника. А злит мамасветская роль требует очень яркого, сильного комика. Таких не располагает г. Луцкий. И потому роль тускнеет, члнм могла бы быть.

Характерный у г. Артура туремский захв Григорий, хотя ему, пожалуй, и не к чему так уж напоказничать чеховской Фире. Гусару Крутицу надо бы быть подвижником, легкомысленно, веселым и пылким: члнм он выходит у г. Развигина. Особенно из черной ахт, у Глазкова, когда Крутица—почт. хорошего заплата. Но Глазков сразу, на первой фразе, видит, что Крутица с Голубинич—из ресторана. Вся роль Крутицы должна быть легкой. А у г. Развигина есть медлительность и речь его немая тяжелая, а всякий вид—мало характерный.

Мамоев—то, что зовут «belle femme», уже замкнуто отщепенца. У ней возраста, так сказать, сверх-балзаковского. Она уже перестала нравиться мужчинам. «Вл. похотливое время, конечно, очень чувствителен: был недостаток в обожательстве»,—говорит она сама про себя. Имя многое определяется в облик Мамоев. И этого быть в той образ, который дает г-жа Германова. Она, правда, посеребрила себя волос. Но остается молодой, —с молодым лицом, с молодой грацией, со сверкающей кра-

сотой. Не только в красоте лица, хотя и одета с полной ибританской модой той поры. И чувство ее красоте, члнм у Мамоев. И не чувствуете утешение Глазков, а не сачливая радость, что злнать, я могу еще внушить молодому человеку истинную страсть. И потому, на раскрытый облик Глазкова надо бы Мамоев реализовать сильнее, с большим и больше рбзком, истинно-любовно. Да и пост. похощения дневника она—совершенно одна и та же, точно ни в члм. Мамоев ни убавился. Артистка больше заболела о красоте ири, члнм о сн характерности. И ей Мамоев, ее жесты, походы и т. д. больше заставляли любоваться, члм сбиться.

Есть убавь в характерности. в чисто-московский комич. и у Турениной г-жи Савидкой. «Редик из купчих» —помогает Островский. Злбс Туренина возмущена по порождению аристократу. Мн. правили, что г-жа Савидка не сдлала из Турениной традиционн. рыцаря купчиху. Но уж пересел в оригинально-сти тмачанин—обращать Туренину в петербургскую grande-dame, аристократич. ии. Не ждл. Савидка. Мн. нравится даже, что хлнчество не было показано грубо. Но опять—вмзла так уж убавляет это хлнчество. Намекает, Туренина г-жи Савидкой сличнко снисходично—слушает намеки Крутицкого на провозе. Туренина они должны возмущать и злит, потому что иишавот той пост, которую привала на старости злбс это поклонница Иваня Яковлевича Корейши. Но есть в ирт г-жи Савидкой—очень хороша подробность, мнкая, не угловатая, не изолупная.

Глазкова г-жа Самарова мало оправдывала слова сына: «я умею, хоть и занятный, весь в нас». Было мало хитрости, много многого добродушия, вообще свойственного сднческим изображениям этой талантливой артистки. И думаю, вообще, что была ошибка в распределении комических ролей, что, например, г-жа Самарова была бы больше на иибт в роли Турениной, как для роли Мамоев, так и просится другая исполнительница, г-жа Кипишери.

И приобресть под конец г. Качалова. Глазков, —самая трудная роль во всей комедии, но не самая лучшая, если не считать, что все дало—ял. иишковых выштринных моментах, в эффектно замкнутых монологах. Тут, большой простор, для сднческого виртуозничества. Кула женщн—для создания члнльной и интересного характера.

Г. Качалов иирует Глазкова по-иному. Впервых, его Глазков—очень уже аристократ духа. Ну, аристократ Чадкого, что-ли. Лицо и глаза поэта. Глазков поощре, и не так живописен, и не так тонко душой. Качаловский Глазков даже не удастанает всех этих Мамоевых и Городулиных пресрбнств,—потому ли, что очень уж высок, или потому, что иишнее друродушен.

«Вс» желчь, которая будет иишпать в ду-